

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА

(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Исторический факультет

Выпускающая кафедра политологии и права

Темерова Юлия Николаевна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

СОЦИАЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ (на основе анализа блока статей журнала
«Политические исследования» с 1991-2017гг.)

Направление подготовки 41.03.04. «Политология»
Направленность (профиль) образовательной программы «Российская
политика»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав.кафедрой к.ист.н, доцент Константинова М.В.

Руководитель ст.преп. Воробьев А.Н., к.ист.н,
Константинова М.В.

Дата защиты 17.06.2019г.

Обучающийся Темерова Ю.Н.

Оценка хорошо

Красноярск 2019

Оглавление

Введение3-5

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты изучения истории политической науки

§1.1 Концептуальные подходы к изучению истории российской политической науки6-9

§1.2 Данные и методика исследования..10-18

Глава 2. Социально-интеллектуальная эволюция российской политической науки

§2.1 Социальная эволюция российской политической науки.....20-28

§2.2 Интеллектуальная эволюция российской политической науки.....29-36

Заключение39-42

Библиографический список43-45

Приложение

Введение

Российская политическая наука - составная часть мировой политической науки, опирается на тысячелетнюю российскую традицию политической и правовой мысли, использует политологический опыт международного сообщества. Политическая наука в России прошла сложный и длительный путь становления. Если в Западной Европе и США политическая наука выделилась в качестве самостоятельной университетской и академической дисциплины в конце XIX - нач. XX вв., то в России процесс ее официального оформления произошел позднее. Университетская и академическая институализация российской политической науки относится к рубежу 90-х гг. XX в. [Воробьев: С. 207]

Российское политологическое сообщество как профессиональная корпорация, наравне с политической наукой, всё ещё считается очень молодым, не закончившим процесс своего собственного становления. На самом деле оказывается, что трудности политологического сообщества вызваны отнюдь не тем, что оно создаётся с нуля, на голом месте, а с кризисом, возникшим в последнее десятилетие прошлого века и общим упадком науки после 1991 года [Сморгунов: С.205].

Более того, без труда можно указать на организационный центр, целенаправленно движущийся к сплочению политологов в профессиональное сообщество через создание разного рода площадок научной коммуникации и научной инфраструктуры в интересах всего сообщества [Галкин: С.22].

Костяк этого центра на сегодняшний день составляют представители именно старого советского политологического сообщества.

Изучение истории политической науки как процесса формирования и эволюции научного сообщества, его интеграции в существующие социальные аспекты, поможет не только сохранить опыт развития советского политологического сообщества, оценить вклад его интеллектуальных лидеров, которые боролись за признание политической науки самостоятельной отраслью гуманитарного знания, но и приблизиться к пониманию происходящих практик в сфере научной политики [Воробьев: С. 34].

Известный российский политолог, один из организаторов этой науки, профессор Я.А. Пляйс справедливо отмечал, что "4 ноября 1988 г. можно по праву считать официальным днем рождения современной российской политической науки. Именно в этот день увидело свет Постановление Государственного комитета по науке и технике за № 386 "О номенклатуре специальностей научных работников" [Пляйс: С. 76] , которым впервые утверждалась номенклатура специальностей научных работников по политологии. Постановление стало не только актом официального признания политической науки в нашей стране, а значит **актуальность данной работы** обусловлена тем, что российская политическая наука еще проходит процесс институализации.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней наиболее полно реконструирована и описана социальная и интеллектуальная эволюция российской политической науки.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании курсов по истории политических учений, политической социологии и ряда других дисциплин, а также в процессе дальнейшей научной разработки истории политической науки.

Степень изученности темы исследования. Данная тема представлена зарубежной историографией и рядом работ отечественных исследователей, политологов. При этом существует ряд обзорных исследований и опубликованных статей в которых мы можем проследить социальную и интеллектуальную эволюцию российской политической науки, это работы Д.И Воробьёва, В.Ю Ирхина, А.И Соловьёва, а также Арчи Брауна, А.Ю. Мельвиль.

Целью данной дипломной работы является – анализ эволюции российской политической науки в социальном и интеллектуальном аспекте.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать концептуальные подходы к изучению истории российской политической науки.
2. Рассмотреть данные и методику исследования.
3. Проанализировать социальную эволюцию российской политической науки.
4. Исследовать интеллектуальную эволюцию российской политической науки.
5. Исследовать теоретико-методологические изменения российской политической науки.

Объект исследования: российская политическая наука.

Предмет исследования: социально-интеллектуальная эволюция.

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты изучения истории политической науки.

§1. Концептуальные подходы к изучению истории российской политической науки.

Процесс становления и развития отдельной отрасли знания имеет два измерения: с одной стороны - приращение теоретического и накопление эмпирических знаний, с другой - возникновение социальных отношений и институтов, объединяющих исследователей в научное сообщество. Соответственно и изучение этого процесса возможно с помощью двух различных подходов: изучения научного наследия (назовём его «содержательным») и изучения становления социальной и организационной инфраструктуры, объединяющей отдельных исследователей в полноценное сообщество (назовём этот подход институциональным). И если первый подход целиком лежит в русле истории науки, то с помощью второго возможно исследование социальных процессов, имеющее значение, выходящее за рамки науковедения.

Начало истории становления отечественной политической науки как самостоятельной научной дисциплины связано с выходом отечественных обществоведов, занимавшихся политическими исследованиями, на международный уровень. Конечно, наивно говорить о стабильной эволюции политических исследований в самостоятельную признанную отрасль общественных наук после первого же контакта с западными учёными.

Однако с этого момента обнаруживаются факты, зачастую значительно отстоящие друг от друга во времени, которые свидетельствуют о формировании организационного ядра и его усилиях по созданию институциональной базы для дальнейшей кристаллизации профессионального политологического сообщества [Воробьев: С.110].

Развитие истории политической науки может быть представлено как смена концептуальных подходов. На определенных этапах одни подходы

сменялись другими, причем первые продолжали существовать, по-прежнему находя горячих приверженцев, что само по себе создавало атмосферу непрерывных споров вокруг преимуществ того или иного метода анализа политического знания.

Возможны различные способы классификации подходов к изучению политической науки, но наиболее важным представляется отношение к проблеме способа построения политической теории на основе фактов и ценностей. Различия в их интерпретации формируют *нормативный* подход, с одной стороны, и *эмпирический* и *аналитический* подходы, с другой.

Классификация, основанная на характеристике объектов политического знания, формирует соответственно философский и идеологический, институциональный и структурный, и, наконец, бихевиоральный подходы.

Различные методы, которыми пользуются специалисты, создают различия между юридическим, историческим и собственно политологическим подходами. Долгое время юридический и исторический подходы в сочетании с институциональным занимали господствующее положение, находя также точки соприкосновения между собой и в специфической интерпретации философской традиции. В настоящее время пальму первенства оспаривают бихевиоральный подход и постмодернистская традиция политической философии.

Классификация подходов может быть представлена и в прямой зависимости от использования политологами методов других гуманитарных наук — социологии, психологии, антропологии и др.

Смена исследовательских парадигм создает также почву для довольно поверхностного различия между «традиционным» подходом и «революционным», на который во второй половине XX в. постоянно претендовал бихевиоризм.

Различия между нормативным и эмпирическим подходами возникали по мере формирования новых научных методов, заимствованных гуманитарными науками от естественных. Ранняя политическая

литература была преимущественно нормативной по своему характеру. Даже когда политические философы (Платон, Аристотель, Гоббс, Локк, Руссо, Бэрк) пытались адекватно описать «человеческую природу», они отталкивались в своих описаниях от трансцендентных идеалов, в основе которых лежало представление о должном идеальном политическом порядке.

По мере прогрессирующего успеха ориентированных на эмпирическую методологию построений нормативные идеи продолжали существовать в видоизмененном виде, оказывая немалое воздействие на характер политических дискуссий в послевоенный период (например, новое направление философского консерватизма в США и Западной Европе, ведущее происхождение от идей «чикагской школы» Лео Страусса, современные направления либеральной политической философии, связанные с именами Д. Роулса, Ю. Хабермаса и др., философия политики «новых левых» и неомарксизма и т.д.)

В отличие от философского подхода (совпадающего во многих своих характеристиках с нормативным) *институциональный* подход, ведя свое происхождение от античной классификации форм государственного устройства, представленных у Платона, Аристотеля, Полибия и Цицерона, продолжает уверенно оспаривать приоритет в разработке методологии политического анализа у бихевиоризма.

Институциональный подход акцентирует внимание исключительно на формальных аспектах государственной (правительственной) политики. Изучение конституционных актов и основанной на них политической практике, а также структур законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, законов о выборах, на которых основана деятельность политических партий, сложных процедур самоуправления и муниципальной политики призвано в конечном счете выявить фундаментальную роль структур и правил, определяющих политические ориентации. Индивиды при этом рассматриваются как

недифференцированные постоянные «единицы». Различный характер воздействия на них политических институтов в зависимости от конкретных обстоятельств, как правило, не учитывается на том основании, что изучение функционирования политической системы должно предшествовать изучению индивидуального поведения.

Усилению этого направления помогло и то обстоятельство, что американская политология, в отличие от западноевропейской, с самого начала развивалась вне юридических факультетов. Поэтому представление о самостоятельном значении политического процесса сравнительно быстро распространилось среди ученых, способствуя в дальнейшем взаимодействию между институциональным и бихевиоральным подходами.

Бихевиоризм стал стремительно распространяться в американской политологии в 50-е гг. преимущественно под влиянием настоятельной потребности в создании систематической, строгой, неспекулятивной политической теории. Характеризуя преимущества этого направления, один из ведущих американских политологов Р. Даль, в частности, отмечал: «...Бихевиоральный подход является попыткой исправить наше понимание политики через поиск объяснений эмпирических аспектов политической жизни с помощью методов, теорий и критериев доказательства, которые приемлемы с точки зрения канонов, условий и утверждений современной эмпирической науки» [Даль: С.209]. Сущность этого подхода, по Далю, состоит в интерпретации всех политических и институциональных явлений в понятиях человеческого поведения.

В настоящее время, в связи с развитием политикотeorетических исследований, возникла и продолжает неизменно усиливаться тенденция к разработке «смешанных» подходов. В их рамках заимствуется все то ценное, что было накоплено различными направлениями политической науки в послевоенный период.

§2. Данные и методика исследования.

Становление и развитие российской политической науки получает освещение в различных дисциплинах. Существует множество специализированных журналов («Политические исследования», «Полития», «Политэкс», «Политическая наука» и тд.), исследовательские группы и докторские программы, которые отражают все специализации направлений.

Интенсивность, с которой исследуются траектории дисциплин, сильно варьируется. Но независимо от этих различий, мы можем отразить такой аспект, как методология:

История науки.

Историческая справка состоит из рассказов о прошлых периодах и траектории дисциплины. Различные подходы к написанию такой истории развивались с течением времени. Перспектива «философии науки» направлена на восстановление логической структуры системы предложений, их связи с базовыми предположениями и конкретными утверждениями. Цель состоит в том, чтобы продвинуть ученость, отличая правду от ошибки. Перспектива «истории науки» связана не столько с логическими предпосылками науки, сколько с детальной реконструкцией конкретных случаев научных исследований, теоретизирования, споров и дебатов.

Политологический взгляд на историю науки анализирует структуры возможностей, позволяющие ученым выполнять свои профессиональные обязательства, подчеркивая роль норм; способы присвоения престижа и признания ученым, влияние исторически обусловленных институциональных механизмов, формы сотрудничества и преобладающие убеждения, культурные настроения и мировоззрение ученых.

Но политологическое сообщество не озабочено историей как таковой, а использует прошлые случаи и механизмы, отчасти потому, что легче показать отдельную позицию по отношению к ушедшим ситуациям,

а также потому, что современные практики менее заметны, чем закрытые случаи. И, наконец, потому что иногда прошлые воззрения лучше документированы и архивы более доступны. Чаще всего практикующие из этих трех ветвей проходили свое первоначальное обучение в различных областях науки. Как следствие, за последние десятилетия обмен идеями, коммуникация через дисциплинарные границы и, следовательно, взаимное обогащение уменьшались. Эти области - философия науки, история науки и социология науки - становились все более исключительными областями, то есть специальностями в узком смысле, и имели тенденцию смотреть внутрь, а не на соседние дискурсы.

Еще одна особенность связана с тем, что анализ науки требует некоторого знакомства с самим предметом; в первые дни философии научного движения его представители утверждали, что необходимо пройти обучение по конкретной дисциплине, которую изучают, чтобы успешно осуществить такое начинание. Когда поле «история науки» начало расцветать в начале двадцатого века, требования были еще более далеко идущими; ожидается, что студенты будут универсально образованными космополитами, владеющими несколькими языками и дисциплинами, и будут обладать хорошими знаниями истории мышления с ранних периодов. Только после того, как второе поколение социологов науки вступило в стадию, отношение к предмету исследования значительно изменилось. Приняв привычку антропологов, эти ученые оставили исторический подход и ушли в поле, как этнографы.

Считалось, что подробные исторические знания или даже осознание прошлого поля подрывают методическое отчуждение, которое является предпосылкой для любой хорошей этнографии. Когда это мышление было успешно обосновавшись в академическом дискурсе, приверженцы социальных исследований применяли свои концептуальные схемы и на прошлых этапах научных исследований. Как побочный эффект, эти, в основном, конструктивистские ученые получили опровержения от

онтологических реалистов. «Научные войны» 1990-х гг. Оставляют позади то, что обычно делает война: сожженные земли, где обе стороны претендуют на окончательную победу.

Портрет не был бы полным без упоминания о четвертом типе авторов истории науки: ученые, пишущие историю своей дисциплины. В лучшем случае их вклад показывают степень рефлексивности дисциплины; в худшем случае они поклоняются успехам учителей своих авторов. Обычно такие историки в своей дисциплине испытывают недостаток какой-либо подготовки в истории и не смотрят на свой случай со сравнительной точки зрения; тем не менее, они иногда предоставляют богатый исходный материал для дальнейших исследований. В большинстве случаев их аудитория - соотечественники-дисциплины, а ссылки на философию / историю / социологию научной литературы слабы или вообще отсутствуют. Очень часто этот тип исторического анализа следует за линиями реконструкции развития определенных теорий и покрывает прошлое, прежде всего как огромный резервуар идей.

Сегодня история науки и философия науки, помимо регулярных призывов к более тесному сотрудничеству, представляют собой относительно отдельные сообщества с различными моделями научной коммуникации. Специализированные журналы отмечают границы дискурсов.

Эмпирическая методология

Существует бесчисленное множество альтернативных представлений о самом понятии «методология».

Но задача не в том, чтобы искать логическую и последовательную реконструкцию о том, как правильно писать историю науки и с помощью каких инструментов, а в том, чтобы наблюдать, как происходящие кейсы делают свое дело. Это, в лучшем случае, приводит к набору моделей наилучшей практики, которые могут направлять будущие исследования по

истории науки. В принципе, историография связана с пятью видами единиц анализа:

Участники: история отдельных ученых, групп авторов-единомышленников.

1.Идеи: история концепций, теорий и исследовательских программ.

2.Инструменты: история методологий, методов, методик и исследовательских практик.

3.Институты: история институтов и организаций.

4.Контексты: история развития науки в более широких социальных, политических, культурных и экономических условиях.

5.Актеры

Традиционно исследования истории науки фокусируются либо на факторах, кейсах либо на идеях. Рассматривая актеров как единицу анализа, можно заметить, что наиболее заметным уровнем агрегирования является индивид.

подавляющее большинство публикаций в истории так или иначе связаны с отдельными учеными. Практически все ведущие фигуры из всех дисциплин политологии получили освещение своей жизни (и настоящая Энциклопедия следует по пути своих предшественников, включив биографические статьи о ведущих личностях). Стандартная форма интеллектуальной биографии, жизни, работы и влияния требует значительного пространства, помимо регулярно высказываемых оговорок о явных недостатках.

Коллинз убедительно утверждает, что даже гениальные авторы развивают свои идеи в цепочках взаимодействия с другими (Collins, 1998), но его разработанная методология нашла лишь очень мало последующих действий (Savelsberg and Flood, 2011). Однако в аргументации Коллинза отсутствует роль частной жизни ученых, которая систематически изучается, но широко освещается во всех видах автобиографического

письма. В некоторых книгах есть главы об отношениях учителя и ученика, о сотрудничестве с современниками-единомышленниками.

Другая ветвь этой литературы связана с конкретными исследовательскими группами, школами, департаментами, университетами и т.д. На еще более высоком уровне агрегации мы имеем просопографии, коллективные биографии и исследования, использующие концепцию.

Идеи

Реконструкция последовательности ведущих идей вращается вокруг центральных концепций, теорий и так далее. Главным образом в форме истории притязаний философии и человеческих наук. Изучение истории воззрений предполагает видение, что идеи порождают либо путем дифференциации, либо путем переосмысления. В то время как профессиональные теоретики идей имеют тенденцию анализировать отдельные сущности или единичные идеи. В начале последовательность систем высказываний, их конфигурирование и реконфигурация рассматривались как следование пути прогресса; более поздние этапы воспринимались как улучшения по сравнению со старыми версиями, и общая перспектива оставалась более или менее линейной: более поздние теоретики были способны к дальнейшему объяснению, опираясь на «плечи гигантов».

Однако с середины 20-го века теоретики идей, как правило, ограничивают свое внимание конкретными выдающимися личностями и их идеями, либо путем написания интеллектуальных биографий отдельных авторов или анализа небольших групп тесно связанных между собой людей.

Можно далее дифференцировать идеи в соответствии с их «эпистемологическим» статусом. Идеи в их самом широком значении могут быть ранжированы в соответствии со степенью их явности. Подход «история идей» предлагает множество концепций. Более явные аспекты, которые были собраны в исследовательские программы.

В последнее время было предпринято несколько попыток концептуальных и теоретических инноваций: был предложен диалогический поворот или новая социология идей. Выдающиеся исследования гигантов социальных наук, таких как Альберт О. Хиршман (1991) и Роберт К. Мертон (Мертон и Барбер, 2004), которые проследили риторику реакции и появление концепции соответственно, исследователи не нашли случайные кейс, но предполагают четкое представление о траектории идейных пучков.

Инструменты

Гораздо реже освещается аспект истории политической науки, касающийся «инструментов» изучения.

Эббот убедительно утверждает, что инструмент гуманиста - это хорошо сложенная библиотека, предлагающая физический доступ к огромному количеству публикаций, собранных в соответствии с не слишком произвольной системой классификации.

Исторический анализ методологий подчеркивал бы непредвиденные обстоятельства конкретных событий, выделяя личные влияния, философские или мета-теоретические моды и структуры возможностей в определенных когнитивных микроокружениях, чтобы обнаружить корни новых методологий или определить, какие силы поддерживают преемственность в когда-то установленных рутинных. На этом уровне абстракции методологии превращаются в рутинные методы проведения исследований, и поэтому можно применять то, что было сказано о потенциальных направлениях анализа методологий. Переключая перспективы анализа с инструментов на их качества, можно задавать вопрос о степени адекватности каждого инструмента как в синхронной, так и в диахронной перспективе. Используется ли конкретная поисковая стратегия, методология и т. Д. Только в определенных микросредах (таких как департаменты, школы, исследовательские институты и т. д.) Или она доминирует на национальном или даже международном уровне? Как случилось, что эта процедура была установлена на местном, национальном

или международном уровне? Второй вопрос может быть направлен на происхождение конкретного инструмента: были ли предшественники и как они были преобразованы в новую форму; ссорились ли сторонники нового инструмента с теми, кто отдавал предпочтение старому, или игнорировали конкретных конкурентов? То, что было сказано о конкурентах во времени, также может быть применено к синхронным оппонентам.

Учреждения

Анализ институтов является наиболее важным в углублении нашего понимания того, что происходит в науке. Структуры возможностей можно рассматривать как условия, которые формируют стипендию в отношении ресурсов; структуры возможностей появляются, распространяются и дифференцируются во времени и пространстве. Мы можем описать:

- 1) Место, где ученый осуществляет свою профессиональную деятельность (начиная от устойчивых когнитивных микроокружений как отделов до более временных взаимодействий и встреч).
- 2) Аудитории, с которыми он работает.
- 3) Способы управления, которым они подвергаются.

До сих пор недостаточно изученным форумом, на котором идеи обменивались, оценивались и развивались, являются публикации, в частности журналы. Эти средства массовой информации заслуживают более глубокого изучения, поскольку они демонстрируют присвоение статуса и репутации посредством экспертной оценки и направляют внимание членов каждой дисциплины на те вклады, которые необходимо признать.

Журналы, благодаря своему развитию с течением времени и изменениям в их политике, привлекли внимание лишь очень немногих социологов, историков, политологов.

Тогда как энциклопедии социальных наук все еще ждут, чтобы стать предметом серьезных исследований, помимо их очевидной роли в

формировании знаний по предметным дисциплинам и демонстрации распределения культурного капитала внутри них.

Переводы являются еще одним примером обмена идеями и формирования международной миграции идей, и недавние попытки проанализировать их демонстрируют плодотворность такого рода исследований.

Академические и неакадемические издательства, их рыночные (и, следовательно, выбор книг, журналов) стратегии, их политика и технологии распространения также являются решающими факторами в формировании гештальта науки.

Поскольку лица, принимающие решения в области научной политики, также являются частью аудитории, существует некоторое совпадение режимов управления с вышеупомянутой аудиторией. Тем не менее, но властные отношения меняются на противоположные: ученые находятся на принимающей стороне, а те, кто предоставляет средства, могут диктовать правила, как это недавно произошло с введением новой культуры аудита государственного управления.

Контекст

Контекстуализация является отличительной чертой любого внешнего подхода к изучению текстов окружающих авторов и / или нетекстовой (политической, институциональной и т.д.) среды.

Галисон (2008) справедливо подчеркнул, что нам необходимо конкретизировать значение и диапазон понятия «контекст» и его применение в истории науки и смежных областях исследований.

Можно выделить 2 вида подтекстов, которые повлияли на развитие траектории в развитии российской политической науки. С одной стороны-это управление, а с другой-политический режим.

Модели распространения и подражания, сопровождаемые некоторыми элементами культурного империализма, доминируют в большинстве публикаций, и это может быть уместным, если в центре внимания анализа

находится макроуровень научной системы: то, что было названо «изоморфизмом», консолидацией и следующее влияние современной мировой системы государственного управления, и культуры на различные отрасли науки, и образования во всем мире является на данный момент наиболее заметным подходом.

Еще одно недавнее улучшение контекстуализации обеспечивается тем, что на его голову «возложена» глобализация науки, чтобы привлечь внимание ученых из центра к периферийным.

Недавнее процветание поведенческой экономики может быть упомянуто в качестве иллюстративного отчета, где вызывающая сомнение эмпирическая методика социальных исследований, эксперименты, стала распространенной благодаря ее применению опытными экономистами. Их давнее пренебрежение к эмпирическим исследованиям было превращено в актив, потому что экспериментаторы были в состоянии спланировать свои эксперименты изобретательно благодаря их теоретическому перевесу.

История изучения российской политической науки и истории науки в целом-область, еще не полностью установленная в академических кругах. Кроме того, существуют принципиальные различия в качестве и интенсивности истории науки между различными дисциплинами в политологии. Таким образом, любая попытка спроектировать методологию для историографии, вероятно, будет наиболее успешной, если она воспринимает себя как описательную попытку осмотра существующей исторической литературы, а не как попытку философского мышления, которое пытается логически вывести предписания о том, как правильно написать история изучения науки.

Примечания:

1. Воробьев Д.И. Институциональные предпосылки процесса формирования советского политологического сообщества. // Москва 2007
2. Сморгун Л.В. Региональные политологические сообщества в Советское Время.// Издательство: Институт научной информации по общественным наукам. Москва. // жур. « Политическая наука» 2015 С. 125-137
3. Галкин А.А. Академическая политология 1960-1980. Интервью С. В. Патрушеву 17 июля 2000 г. // С. 22-37
4. Воробьев Д.М. Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества//Полис, №3, 2004.
5. Пляйс Я.А. Состояние и проблемы становления российской политической науки // Бюллетень ВАК России. № 3.1998.
6. Воробьев Д.И. Институциональные предпосылки процесса формирования советского политологического сообщества. // Москва 2007
7. Даль Р. А. Введение в теорию демократии. — М.: Наука и СП “Квадрат”, 1992. — С. 209

Глава 2. Социально-интеллектуальная эволюция российской политической науки.

§2.1. Социальная эволюция российской политической науки.

Хорошо известный факт, что свой исторический «старт» российская политология приняла чуть позже своих европейских предшественников. Впрочем, ей удалось органично встроиться в этот интеллектуальный «мейнстрим», доказывая свою состоятельность и способность прийти к зрелому научному сообществу, которое может аргументировать свой взгляд на политическую действительность.

Ретроспективно оценивая небольшой по историческим меркам период эволюции российской политической науки, можно утверждать, что она пытается отвечать всем современным вызовам.

Но сегодня не закончился так называемый этап «переводчиков». Ученых, которые строят свои исследования по методу перевода Западных работ. Либо работы основываются на «разборе полётов» предшественников.

Но эта констатация факта не может быть обидной для российской политической науки, если учитывать все социально-политические условия для развития науки, в которых она обретала все свои институциональные основы. Но и современные обстоятельства играют роль на становление научного знания.

Ведь, как уже сказано ранее, многие факторы влияли на развитие – в основном это позиция власти (инструмент легитимации) и качество образовательного класса, который практикует эту отрасль к рефлексии. С хронологической позиции, на протяжении двух поколений невозможно освоить все методы изучения политического мира, которые складывались в лоне мировой политологии.

Такая ситуация показывает, что институциональная среда развития политологии на данный момент слабо коррелирует с теми возможностями, её развития.

Развитие научного знания имеет и собственную, достаточно автономную логику эволюции.

В конечном счете науку делают её носители – ученые, теоретики, подвижники и популязаторы знания. В этом плане у российской политической науки есть очень большой потенциал. При этом, следует отметить, что наука пока ещё страдает «детскими болезнями», которые присущи не зрелой отрасли знания.

Для того, чтобы проследить комплексную эволюцию российской политической науки в социально-интеллектуальном аспекте, а также рассмотреть изменения в институционально – методологическом процессе, нами был взят массив научных статей из ведущего политологического журнала «Политические исследования» в период с 1991 года по 2017 год. Инструментом для сбора первичных данных послужила разработанная таблица для анализа статей журнала, содержащая 272 позиции.

В задачи анализа входили:

- Определение динамики социально — интеллектуального изменения в современной политической науки;
- Определение «географической» принадлежности авторов статей;
- Проанализировать в каких учебных заведениях страны обучались авторы статей;

Анализ структурных единиц для изучения российской политической науки даёт нам увидеть полную картину процесса становления науки и путь её институционализации. (Здесь можно привести в качестве примера классическую известную работу Г. Алмонда «Разделенная дисциплина: Школы и секты в политической науке»)

Для русской интеллигенции характерен такой признак, как саморефлексия. (В основном она выражается в издании статей в известных журналах. Для данного исследования был взят массив статей из журнала «Политические исследования» (в период с 1991 года по 2017 гг.)

Для выявления специфики социальной эволюции в российской политической науке структурной единицей анализа выступил-индивид (или как ранее мы уже указывали «актёр») и его географическая принадлежность.

Сегодня разрабатывается широкий круг вопросов, которые связаны с осмыслением специфических черт политической среды и «человека политического», какие факторы влияют на развитие российской политической науки и её отдельных компонентов.

Проанализировав созданную нами таблицу с 272 позициями для сбора первичных данных по географической принадлежности авторов статей, публикуемых в политологическом журнале «Политические исследования», нами было выявлено, что основная часть авторов из таких центральных городов, как Москва, Санкт-Петербург и Киев.

Анализ свидетельствует, что российская политическая наука развивалась, и в центральных городах страны, и на её периферии. Упоминались такие города как: Коростень, Саратов, Борисов, Минск, Хабаровск, Новосибирск, Краснодар, Львов, Каменец-Подольский, Нижние Серги, Хотынецкий, Забайкалье, Пермь, Иваново, Салават, Нальчик.

Яков Пляйс полагает, что недостаточное развитие российской политической науки в малых городах обусловлено тем, что отсутствует информационная база, которая слаба даже в ведущих университетах, недостаток научных кадров с политологическим образованием, недооценка политологии в вузовских программах, что приводит к снижению её статуса.

Формирование научного политологического сообщества в российских вузах началось с введения учебного курса политологии для студентов и массовых переименований кафедр. Вполне естественно, что именно вузы стали одной из главных площадок, на которых происходит становление российской политической науки. В конце 90-х годов прошлого столетия политическая наука в России была представлена

примерно 280 вузовскими кафедрами, 3 тыс. преподавателей и несколькими десятками тысяч специалистов, занимающихся политическими технологиями [Шестопал: С.9].

Конечно, серьезные ресурсы для развития политических исследований с самого начала были сконцентрированы в вузах Москвы, где сформировались такие серьезные центры, как МГИМО, Московская высшая школа социальных и экономических наук, РАГС, МГУ и др. (не говоря уже об академических и независимых институтах и центрах)

В этих учебных заведениях проходят подготовку бакалавры, специалисты и магистры политологии, существуют аспирантура и докторантура. Преподаватели являются авторами ряда лучших в России учебников и учебных пособий по общим и специальным политологическим дисциплинам.

Московская университетская наука попрежнему задает тон в формировании и развитии научных направлений и школ. В МГИМО создаются пионерские исследования политических изменений и развития, в том числе демократизации, анализируется функционирование отдельных политических систем, режимов и институтов, разрабатываются вопросы дискурса и концепт-анализа, изучаются международные отношения. В поле зрения ученых из МГУ – история политической мысли, проблемы политической культуры и коммуникации, вопросы политической психологии и прикладной политики. Научные интересы исследователей других московских вузов также достаточно широки.

Процесс формирования политологического сообщества, развития политологии как научной и учебной дисциплины охватил не только российскую столицу, но и различные регионы. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что уже в 1998 г., по данным Министерства образования, набор по специальности «политология» осуществлялся в 10 университетах, в том числе в нескольких региональных: Алтайском,

Пермском, Воронежском, Санкт-Петербургском, Саратовском, Тульском и Уральском [Шестопал: С.23].

Согласно проводимому исследованию, наиболее востребованным учебными заведениями регионального уровня являются:

-Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
-Петроградский политехнический институт

Иногда, как уже отмечалось, региональные вузы выступали «пионерами» развития политологии как учебной дисциплины. В целом за прошедшие годы отделения или факультеты политологии, ведущие подготовку специалистов и магистров по политологии, сложились примерно в 30 вузах России, в том числе в 17 региональных вузах (10 государственных и 7 негосударственных).

Происходит не только количественное расширение политологического сообщества, но и формируются ядра его консолидации. За последние 10–12 лет в ряде регионов России оформились достаточно сильные научные центры, способные выступить «точками роста». В большинстве своем они возникают на базе классических университетов: Санкт-Петербургского, Краснодарского, Пермского, Казанского, Алтайского и др. Однако иногда кристаллизация исследовательских групп происходит и в рамках недавно созданных или преобразованных вузов гуманитарно-социального профиля, таких как Европейский университет в Санкт-Петербурге, Лингвистический университет в Нижнем Новгороде.

Наиболее крупные «точки роста» возникли в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде, где сформировалось сразу несколько крупных образовательных, научных и аналитических центров. В Санкт-Петербурге – это философский факультет и факультет международных отношений Государственного университета, Европейский университет, центр «Стратегия», а также Санкт-Петербургский государственный педагогический университет и Санкт-Петербургский государственный технический университет.

Имена некоторых питерских политологов известны не только в Санкт-Петербурге и в России в целом, но и за рубежом. Это такие известные ученые как Черевков К.В., Гельман В.Я., Павлова Т.В. Представители научных, образовательных и аналитических центров города проявляют особую активность по созданию инфраструктуры научного сообщества. Речь идет, в первую очередь, о межрегиональных программах сотрудничества, в частности, между Санкт-Петербургским и Сыктывкарским госуниверситетами, а также о семинарах и конференциях, организуемых «Стратегией» и другими исследовательскими и образовательными учреждениями.

Формирование политологического сообщества в Санкт-Петербурге началось еще в советское время. Ведущую роль в этом сыграл Санкт-Петербургский государственный университет, в составе философского факультета которого в настоящее время действует отделение политологии. В фокусе внимания исследователей петербургского госуниверситета – проблемы политической власти и ее легитимации, политической культуры, сравнительных политических исследований [Сморгунов: С.23], формирования и развития гражданского общества и многое другое.

Помимо Санкт-Петербургского государственного университета наиболее заметным центром развития политической науки в регионе является факультет социологии и политологии Европейского университета в Санкт-Петербурге – негосударственного образовательного учреждения, созданного в 1994г. и осуществляющего послевузовскую подготовку магистров и аспирантов. Небольшой, но чрезвычайно динамичный коллектив факультета включает таких известных сегодня политологическому сообществу России исследователей, как В.В. Волков, В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, О.В. Хархордин – авторов работ, получивших признание не только в стране, но и за рубежом.

Европейский университет в Санкт-Петербурге превратился в признанный центр изучения институциональных аспектов современной

русской и мировой политики. Здесь сложилась практика командной исследовательской работы признанных исследователей и молодого поколения их коллег, позволившая создать ряд интересных сравнительных исследований региональных политических режимов в России, партийных и избирательных систем в ряде стран мира, муниципальной власти, а также других институтов.

В Нижнем Новгороде также существует несколько крупных центров, аккумулирующих организационные и интеллектуальные ресурсы. Один из них формируется в Лингвистическом университете, другой – на историческом факультете госуниверситета, где осуществляется подготовка бакалавров, магистров и специалистов в области политологии, третий – в Нижегородском исследовательском фонде. Научные труды нижегородских политологов (в частности, по региональной тематике и международным отношениям) известны не только в регионе, но и в России в целом [Борисов: С.98]. В городе и области периодически проводятся конференции и семинары регионального, всероссийского и международного масштабов, среди которых особо следует отметить конгрессы по региональной политике.

Нередко региональные центры возникают в результате взаимодействия университетских кафедр и вновь образуемых независимых исследовательских структур, ориентированных на практические проблемы. Такова ситуация в Барнауле, где в Алтайском государственном университете на базе кафедры политологии осуществляется подготовка бакалавров и специалистов. Эта кафедра ведет научную работу по нескольким направлениям: история политической мысли России, анализ политического процесса, политических институтов и элит в современной России и Алтайском крае, проблемы сравнительного анализа государственного устройства, избирательного законодательства и организации местного самоуправления. Политические аспекты

международных отношений активно разрабатываются на кафедре всеобщей истории и международных отношений АГУ.

Интересные возможности возникают и на базе интеграции кафедр классических университетов с другими вузами и академическими структурами, как это сложилось в Республике Татарстан. В Казанском государственном университете первая в Поволжье кафедра политологии, созданная в январе 1990г., до сих пор является единственной специализированной кафедрой в республике.

В настоящее время в этом учебном заведении существует отделение политологии, осуществляющее подготовку специалистов. В ряде вузов республики появились отделения государственного и муниципального управления и другие, близкие по тематике к политологии. В Институте социально-экономических и правовых наук Академии наук Татарстана сформирован отдел политологии.

Таким образом, в регионе удалось создать целую сеть учреждений, осуществляющих политические исследования. Проблематика исследований их сотрудников крайне разнообразна. Это разработка категориального аппарата, методологии науки [Фарукшин], анализ политических процессов, происходящих в республике, и проблемы федерализма.

Серьезные заявки на превращение в «точки роста» сделали университеты Самары, Краснодар, Перми. Результативные усилия предпринимают коллеги из Западной Сибири, прежде всего из Томска, Барнаула и Новосибирска.

Развитие региональных политологических сообществ существенно стимулируется инициативами, связанными с проведением на базе местных университетов международных и всероссийских конференций и научных семинаров. Порой одно мероприятие подтягивает за собой другое, способствуя формированию исследовательского интереса и научных связей. Так, начиная с 1996 г. целая серия мероприятий была проведена

при активном участии кафедры социологии, политологии и управления Самарского государственного университета. Аналогичные примеры можно привести и по другим регионам. Хотя основная масса политологов работают в вузах, велик вклад в развитие дисциплины и академических учреждений. Самым значительным достижением в этой области является признание Российской академией наук политической науки дисциплиной, заслуживающей статуса академической. В 2003г. в номенклатуре специальностей появилась политология и был избран первый член корреспондент РАН по политическим наукам – А.Арбатов. Вместе с тем данная научная дисциплина не стала еще столь авторитетной среди академиков, как некоторые другие общественные науки – философия, социология, история.

В целом можно сказать, что за те 10–15 лет, что прошли с начала трансформации академических институтов и «внедрения» политологии в российские вузы, достигнуты вполне ощутимые результаты на пути формирования научного сообщества политологов. В то же время процессы формирования отдельных научных направлений, а тем более школ, дают очень ограниченные результаты. Хотя уже появилась субстанция (даже группы исследователей и циклы работ), все еще не хватает формы (устойчивых способов взаимодействия, дифференциации и консолидации направлений, школ и т.п.). Другая не менее значительная область противоречий — разрыв между теоретическим и эмпирическим аспектами науки, а также смешение масштабов и предметных областей исследований.

§2.2. Интеллектуальная эволюция современной политической науки.

Субдисциплинарные изменения.

В своем нынешнем виде российская политология, к сожалению, далека от четкой структурированности и от ясности теоретико-методологических оснований.

Ее границы весьма расплывчаты, а собственно научное ядро все еще в должной мере не сформировано. Высока доля обыденного и нормативного, идеологизированного знания.

На этом фоне процесс формирования отдельных научных дисциплин, направлений и школ сопряжен с немалыми трудностями. Тем не менее имеющиеся наработки позволяют говорить о том, что уже сейчас в рамках российской политической науки выделяется ряд динамично развивающихся тематических и методологических направлений, которые в совокупности определяют содержательное своеобразие национальной научной традиции. Очевидно, что на эволюцию большинства из этих направлений оказывает серьезное влияние политическая практика. Ряд направлений исследований, появившихся и динамично развивающихся под ее влиянием, стали «массовыми». Они включают десятки активно работающих политологов и еще большее количество в той или иной мере подключающихся к их деятельности коллег.

Анализ факторов успешного формирования и развития данных направлений показал, что причины этого имеют в основном конъюнктурный характер. С одной стороны, налицо внешняя востребованность этих исследований, ранжирующаяся от прямого социального заказа до общей моды. С другой стороны, действуют и внутренние факторы. Это наличие достаточных информационно-интеллектуальных ресурсов, а также сравнительно низкие затраты на 206 исследования и их невысокая трудоемкость. В совокупности это создает общий позитивный баланс между прилагаемыми исследователями усилиями и их ожидаемым вознаграждением.

Для полного анализа эволюции российской политической науки было выделено двенадцать проблемно-предметных областей, характеризующих «лицо» статей за период с 1991 по 2017 год.

Каждая статья относится только к одной, доминирующей в ней предметной области.

В первый блок была выделена проблематика «сравнительная политология», по которой в журнале опубликовано (от 14 до 30) количество статей. Во втором блоке «политическая социология» было опубликовано (от 8 до 20) количество статей.

В третьем блоке проблематика «политическая философия» было опубликовано (от 4 до 10) количество статей, а в четвёртом блоке под названием «геополитика» было опубликовано (от 25 до 40) количество статей.

В блоках с проблематикой «мировая политика», «электоральное поведение», «политический процесс» насчитывается (от 18 до 37) количество статей.

В блоках «история политической науки» и «методология политической науки» было опубликовано 23 статьи.

В девятом блоке проблематика «региональный политический процесс в России и локальная политика» было опубликовано 8 статей.

В десятый блок входили статьи с проблематикой «гендер и политика», и количество опубликованных статей составило 13.

В одиннадцатый блок с проблематикой «демократические транзиты» было опубликовано (от 5 до 11) количество статей.

В двенадцатом блоке были выделены статьи, касающиеся проблематики экономики, культуры, национальности, федерализма и демократии, проблемы власти и общества, и многое другое.

Одно из таких широких тематических направлений – изучение современной российской политики, которым занимаются подавляющее большинство российских политологов. [Пляйс: С.144]

Несмотря на то что за последнее десятилетие российскими политологами опубликовано большое количество работ, посвященных различным аспектам современной российской политики, научные достижения в этой сфере принято оценивать как скромные, а общий уровень ряда публикаций – как далекий от современных достижений мировой политической науки. [Шестопал: С.142]

Большинство публикаций российских политологов по отечественной проблематике можно условно сгруппировать вокруг двух весьма удаленных друг от друга в познавательном плане «полюсов».

На одном находятся многочисленные атеоретические работы, посвященные описанию и/или анализу текущих аспектов политического процесса – начиная от мониторинговых хроник политического развития регионов России и кончая всевозможными опросами избирателей об их предвыборных намерениях. Как правило, работы такого рода направлены не столько на производство нового теоретического знания, сколько на решение прикладных задач, связанных с политическим консультированием, маркетингом и т.д. Хотя собранная в ходе их проведения информация полезна и необходима для научных исследований российской политики, ее интерпретации порой поверхностны и недостаточны для политологического осмысления происходящего в стране.

Другой «полюс», напротив, представлен теоретически ориентированной научной эссеистикой, призванной объяснить едва ли не все прошлое, настоящее и будущее России. Многие из этих работ не только не основаны на эмпирических исследованиях, но иногда даже в таковых и не нуждаются. Содержащиеся в них суждения об «уникальности» российской политики или, реже, о ее безусловной

подчиненности неким единым мировым законам самодостаточны и призваны служить, вероятно, самовыражению авторов, а не поискам научных доказательств [“Полис» С.168].

В результате в российской политологии возникает разрыв между «абстрактным эмпиризмом» и «высокой теорией» наподобие тенденций в американских социальных науках, которые Ч.Р.Миллз подверг уничтожающей критике еще в 1950-е годы [Миллз: С.36]

Нельзя сказать, что подобная ситуация является для политической науки чем-то новым. Скорее всего, речь идет о естественной «болезни роста», и преодолеть ее можно с помощью испытанных теоретических и методологических средств.

Следует отметить, что немало российских политологов ориентированы именно на активное использование достижений мировой политической науки. Однако следует в то же время признать, что простое заимствование тех или иных концептов, разработанных в рамках мировой политологии для изучения политики в России (равно как и политики вообще), наталкивается на два серьезных ограничения. Первое из них было обозначено Дж. Сартори как «концептные натяжки» (conceptual stretching) [Сартори: С.64], связанные с неадекватным применением ранее оправдавших себя теоретических моделей для решения новых познавательных задач. Иными словами, при расширении круга изучаемых явлений концепт подчас становится столь аморфным, что его смысл искажается до неузнаваемости, а ценность как инструмента познания попросту теряется. [Гельман: С.6]

В рамках общего супернаправления – изучения современной российской политики – выделяется ряд более консолидированных и специализированных направлений. Это изучение российского политического режима и демократизации, политических элит и лидерства [Гельман: С.53](перу О.В. Гаман-Голутвиной принадлежит немало оригинальных и интересных работ, в которых основательно исследован

генезис политических элит России в историческом процессе и особенности трансформации правящей элиты современной России), регионалистика, исследование федерализма и местного самоуправления, партий и партийной системы, электоральные исследования, а также быстро становящееся модным изучение глобализации.

В рамках всех этих направлений безусловно можно найти два выделенных нами «полюса». Однако появились и новые работы, нацеленные на адаптацию наработанного мирового методологического и теоретического опыта к российским реалиям, на разработку на этой основе адекватного научного инструмента.

В середине 90-х годов сложилось несколько тематических направлений исследования выборов, которые и сегодня преобладают среди работ по данной тематике. Первое – политические последствия выборов, роль выборов в процессе демократизации [Мельвиль: С.125].

Второе – институциональный дизайн (в первую очередь, избирательная система) и его влияние на результаты выборов и расстановку политических сил. Третье – предвыборные кампании и участие в них основных политических игроков. Четвертое – поведение избирателей. [Голосов: С.44]

Представители всех направлений в середине 90-х годов значительно продвинулись в изучении того или иного аспекта избирательного процесса. Ими были сформулированы отдельные интересные соображения. Они вплотную подошли к необходимости поставить исследование выборов на научную основу. Некоторые авторы предпринимали попытки анализировать электоральную политику с использованием основных достижений мировой политической науки.

Интерес к дискурс-анализу в отечественной науке значительно оживился в последние годы. Появились многочисленные статьи и несколько десятков монографических работ и сборников статей. Среди них можно отметить некоторые работы только последних двух лет (Климова, Миловидов,

Сорокин, Томашевская, Чернявская, Шейгал), хотя этим постоянно увеличивающийся ряд исследований дискурса далеко не исчерпывается. Для формирующейся отечественной школы дискурс-анализа характерно преимущественное внимание к когнитивным схемам (В.Акимов, Н.Бирюков, Л.Бляхер, К.Завершинский, А.Казанцев, М.Ильин, П.Паршин, В.Сергеев, В.Цымбурский и др.

Значительная часть научной продукции российских политологов представляет собой что угодно, но только не результаты проводимых ими эмпирических исследований. Во многих случаях речь идет об обзорах работ других исследователей и (иногда полезном) критическом «разборе чужих полетов». Решение этих задач необходимо для исследования, с них обычно начинается любая научная работа. Если же российские политологи проводят исследования, то их тематика и содержание подчас выглядят периферийными, если не сказать маргинальными с точки зрения современной политологии. Несметное количество текстов, посвященных «политическому дискурсу» и часто представляющих собой разного рода интерпретации тех или иных высказываний политиков — наглядное тому подтверждение.

Методологические изменения.

Российская политическая наука изменилась, но не в том направлении, которое можно было ждать, исходя из идеи академической традиции. Собственные данные не стали генерироваться исследователем реже, скорее наоборот. Наблюдается значимое сокращение использования данных для вторичного анализа. Есть тенденция к возрастанию доли статей, комбинирующих данные нескольких источников.

В смысле процедур сбора данных качественные методы отчасти потеснили количественные, хотя находятся далеко от равной представленности. Процент статей с использованием качественных методов и использующих количественные в сумме менее 100%, – за счет группы текстов, в которых, хотя авторы явно представляли себе их как

эмпирические исследования, мы не могли обнаружить никаких методов вовсе. Иногда встречались цифры, но без ясного указания на источник; даже не представлялось возможным сказать, как и кем они получены. 1996 г. особенно богат на публикации такого рода. Их доля затем сократилась, оставаясь ощутимой.

По частоте использования отдельных методов сбора данных мы не нашли значимых изменений, за исключением роста популярности неформализованного интервью. 11,7% – анкетирование, за ними – использование заимствований из статистики (21% выборки, без значимых изменений), неформализованные интервью (12,%, значимо вырос) и опрос экспертов (10,%, незначимо вырос).

Остальные методы (дескриптивный анализ, анализ первичных и вторичных данных) наблюдались не более 1-2 раз.

Давая обобщенную оценку положению дел с развитием политической науки в России, можно отметить позитивные сдвиги. Внутри дисциплины возникли точки роста, были созданы сетевые структуры сотрудничества. В то же время многие полученные результаты все еще не отвечают в достаточной мере мировым стандартам. Формирование научных направлений и школ сдерживается в тех случаях, когда интенсивность сотрудничества и сетевого взаимодействия мала. Попытки формировать научные школы изолированно в нынешних условиях, характеризующихся дефицитом финансовых, организационных и интеллектуальных ресурсов, оказываются бесперспективными. При всех трудностях общая оценка усилий по развитию научных направлений и школ в отечественной политологии может быть только положительной. Тот факт, что соответствующая работа продолжается в разных формах и самым широким фронтом, внушает надежду и уверенность.

Предпринимаемые усилия позволяют надеяться, что в самые ближайшие годы не только будут получены ценные результаты, но откроются новые возможности, которые позволят значительно обогатить

интеллектуальные и организационные подходы к созданию научных направлений и школ.

Примечания:

1. Шестопал Е.Б. Мировая политология в российском контексте // Политическая наука: Новые направления / Под ред. Гудина Р., Клингемана Х.-Д. – М., 1999. – С. 9–18
2. Шестопал Е.Б. Трансформация политологического сообщества в постсоветской России С. 23–39.
3. Сморгун Л.В. Сравнительная политология: Теория и методология измерения демократии. – СПб., 1999; Политические процессы в России в сравнительном измерении / Под ред. М.А.Василика, Л.В.Сморгунова. – СПб., 1997; Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность / Под ред. Сморгунова Л.В. – СПб., 2000г.
4. Эти исследователи являются авторами заметных монографий: Гельман В.Я. Трансформация в России: Политический режим и демократическая оппозиция. Голосов Г. В. Сравнительная политология. Kharkhordin O. The collective and individual in Russia: A study of practices.
5. Борисов С.В. Актуальный политический режим в Нижегородской области в 1990-е годы // Полис. – М., 1999. – № 14. – С. 98–115.
6. Фарукшин М.Х. «Методологические проблемы политической науки»
7. Пляйс Я. Творческий потенциал российского политологического сообщества: (Основные направления исследований) // Полис. – М., 1999. – № 6. – С. 144–163
8. Шестопал Е. Состояние и перспективы развития политологии в России // Полис. – М., 2000. – № 1. – С.142– 160
9. Полис. – М.,1999. – № 2. – С. 168–178.
10. Миллз Ч. Социологическое воображение. – М., 1998. – С. 36–92
11. Sartori G. Concept misformation in comparative Politics // American political science rev. Baltimore, 1970. – Vol. 64, № 4. – P. 1033–1053
12. Гельман В.Я. «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // Полис. – М., 2001. – № 6. – С. 6–17

13. Гельман В.Я., Тарусина И.Г. Изучение политических элит в России: // Полис 2003 С.53-68
14. Мельвиль А. И вновь об условиях и предпосылках движения к демократии // Полис. – М., 1997. – № 1. – С. 125–128
15. Салмин А.М. Выборы 1995–1996 гг. и трансформация политического режима в Российской Федерации // Полис. – М., 1997. – № 1. – С. 119–122
16. Голосов Г. Поведение избирателей в России: Теоретические перспективы и результаты региональных выборов// Полис. – М., 1997. – № 4. С. 44–56;
- Колосов В., Туровский Р. Электоральная карта современной России: генезис, структура, эволюция// Полис. – М., 1996. – № 4. – С. 33–46
17. Ильин М.В. Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // Полис. – М., 1999. – № 6. – С. 135–143
18. Пляйс Я.М. Отечественная политическая наука в диссертационном зеркале // Полис. – М., 1998. – № 2. – С. 116– 121;
19. Пляйс Я.М. Политическая наука России в 1998 г.: Что нового? // Полис. – 1999. – № 3. – С. 175–182

Заключение.

Попытки оценить состояние и перспективы развития политической науки в России предпринимались неоднократно. Эти полезные начинания, результатом которых стало появление серии статей и сборников, [Голосов: С.44] были довольно спорадичны, рассматривали лишь отдельные стороны развития дисциплины. Сегодня назрела необходимость обобщения опыта научной саморефлексии, накопленного в этих работах.

Данная работа представляет собой попытку подобного обобщения. Это лишь общая панорама, которая бы позволила выявить основные точки роста российской политической науки.

Российская ассоциация политической науки возникла в 1991 году, является преемницей Советской ассоциации политических наук.

В её становлении и развитии важную роль сыграли известные российские ученые-политологи и государствоведы: Ф.М. Бурлацкий, Д.А. Керимов, Ю.А. Красин, В.В. Смирнов, В.А. Туманов, Г.Х. Шахназаров. Также в её составе 46 региональных отделений.

Президентами РАПН являлись:

-Член-корреспондент РАН Г.Х. Шахназаров (1991-1994гг)

-Член-корреспондент РАН А.В. Дмитриев (1994-1997гг)

-Доктор политических наук, генеральный директор журнала «Политические исследования» М.В. Ильин (1997-2001гг)

-Доктор политических наук, директор ИНИОН РАН Ю.С. Пивоваров (с 2001г.)

-Заведущая кафедрой сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений МИД России, Председатель международного консультативного совета журнала «Политические исследования», доктор политических наук О.В. Гаман-Голутвина (на данный момент).

Важную роль в развитии политической науки в России играют её профессиональные политологические журналы, такие как: «Политические исследования», «Полития», «Анализ, хроника, прогнозы», «Власть», «Вестник»

Исследовав один из ведущих политологических журналов «Политические исследования» с 1991 по 2017 год.

Нами были выделены области изучения, которые удостоиваются значительного внимания российских политологов.

Итак, Российская политическая наука, опираясь на историческую традицию и накопленный опыт, новейшие отечественные исследования в теоретической сфере политики, в сфере изучения российского политического режима и демократизации, политических элит и лидерства, в области регионального развития, национального вопроса и глобализации.

Анализ созданной нами таблицы с 272 позициями для сбора первичных данных свидетельствует, что российская политическая наука развивалась в основном в центральных городах страны, и на её периферии.

Яков Пляйс полагает, что недостаточное развитие российской политической науки в малых городах обусловлено тем, что отсутствует информационная база, которая слаба даже в ведущих университетах, недостаток научных кадров с политологическим образованием, недооценка политологии в вузовских программах, что приводит к снижению её статуса.

Чтобы выявить форму опосредствованного взаимодействия ученых, характеристику определенного коммуникативного поведения авторов, свидетельство о наличии информационных и других социальных связей между учеными в границах тех или иных исследовательских областей, был проведен один из эффективных методов изучения таких связей — анализ цитирования научных работ. Эмпирическими индикаторами служат ссылки на публикации различного типа, в том числе в зависимости от проблемно — предметной области, времени и места опубликования цитируемых работ.

Анализ ссылок в публикациях журнала свидетельствуют о том, что в целом для журнала «Политические исследования» характерно цитирование преимущественно политологической и социологической литературы. В последние годы увеличился объем обращений к данным экономики, статистики, социальной психологии.

На сегодняшний день, интеллектуальная эволюция российской политической науки бурно развивается, появляется высокий квалификационный уровень политологического сообщества. Анализ учебных заведений, в которых обучались авторы статей, публикуемых в политологическом журнале «Политические исследования» показал нам список университетов для подготовки специализированных политологов.

В системе подготовки были такие высшие заведения как:

- МГУ
- МГИМО
- Санкт-Петербургский политехнический университет
- НИУ-ВШЭ
- Московский институт востоковедения
- Таджикский университет
- Московский институт иностранных языков
- Алтайский государственный университет
- Петроградский политехнический университет
- Московский государственный экономический университет
- РГГУ
- МЭИ
- Институт Латинской Америки, Институт США и Канады, Институт Африки
- Куйбышевский авиационный университет
- Саратовский государственный университет
- Омский государственный университет

Так же в список одних из востребованных учебных заведений является: Йельский университет, Гарвардский университет, Колумбийский университет, университет Мехико, Мадридский университет, Оксфордский университет. Особенно важно, что в ряде ведущих университетов России созданы и функционируют специальные отделения политических наук (в Санкт-Петербургском, Омском, Дальневосточном, Уральском и других ведущих регионах страны).

В России функционируют профессиональные организации политологов. Российскую ассоциацию политической науки следует отметить как самую массовую, авторитетную и признанную политологическую организацию Российской Федерации.

Давая обобщенную оценку положению дел с развитием политической науки в России, можно отметить позитивные сдвиги. Внутри дисциплины возникли точки роста, были созданы сетевые структуры сотрудничества. В то же время многие полученные результаты все еще не отвечают в достаточной мере мировым стандартам. Формирование научных направлений и школ сдерживается в тех случаях, когда интенсивность сотрудничества и сетевого взаимодействия мала. Попытки формировать научные школы изолированно в нынешних условиях, характеризующихся дефицитом финансовых, организационных и интеллектуальных ресурсов, оказываются бесперспективными. При всех трудностях общая оценка усилий по развитию научных направлений и школ в отечественной политологии может быть только положительной. Тот факт, что соответствующая работа продолжается в разных формах и самым широким фронтом, внушает надежду и уверенность. Предпринимаемые усилия позволяют надеяться, что в самые ближайшие годы не только будут получены ценные результаты, но откроются новые возможности, которые позволят значительно обогатить интеллектуальные и организационные подходы к созданию научных направлений и школ.

Библиографический список

1. Воробьёв Д.И. Институциональные предпосылки процесса формирования советского политологического сообщества. // Москва 2007
2. Сморгун Л.В. Региональные политологические сообщества в Советское Время.// Издательство: Институт научной информации по общественным наукам. Москва. // жур. « Политическая наука» 2015 С. 125-137
3. Галкин А.А. Академическая политология 1960-1980. Интервью С. В. Патрушеву 17 июля 2000 г. // С. 22-37
4. Воробьёв Д.М. Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества//Полис, №3, 2004.
5. Пляйс Я.А. Состояние и проблемы становления российской политической науки // Бюллетень ВАК России. № 3.1998.
6. Воробьёв Д.И. Институциональные предпосылки процесса формирования советского политологического сообщества. // Москва 2007
7. Даль Р. А. Введение в теорию демократии. — М.: Наука и СП “Квадрат”, 1992. — С. 209
8. Шестопап Е.Б. Мировая политология в российском контексте // Политическая наука: Новые направления / Под ред. Гудина Р., Клингемана Х.-Д. – М., 1999. – С. 9–18
9. Шестопап Е.Б. Трансформация политологического сообщества в постсоветской России С. 23–39.
10. Сморгун Л.В. Сравнительная политология: Теория и методология измерения демократии. – СПб., 1999; Политические процессы в России в сравнительном измерении / Под ред. М.А.Василика, Л.В.Сморгунова. – СПб., 1997; Сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность / Под ред. Сморгунова Л.В. – СПб., 2000г.
11. Эти исследователи являются авторами заметных монографий: Гельман В.Я. Трансформация в России: Политический режим и демократическая

оппозиция. Голосов Г. В. Сравнительная политология. Kharkhordin O. The collective and individual in Russia: A study of practices.

12. Борисов С.В. Актуальный политический режим в Нижегородской области в 1990-е годы // Полис. – М., 1999. – № 14. – С. 98–115.

13. Фарукшин М.Х. «Методологические проблемы политической науки»

14. Пляйс Я. Творческий потенциал российского политологического сообщества: (Основные направления исследований) // Полис. – М., 1999. – № 6. – С. 144–163

15. Шестопад Е. Состояние и перспективы развития политологии в России // Полис. – М., 2000. – № 1. – С.142– 160

16. Полис. – М.,1999. – № 2. – С. 168–178.

17. Миллз Ч. Социологическое воображение. – М., 1998. – С. 36–92

18. Sartori G. Concept misformation in comparative Politics // American political science rev. Baltimore, 1970. – Vol. 64, № 4. – P. 1033–1053

19. Гельман В.Я. «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // Полис. – М., 2001. – № 6. – С. 6–17

20. Гельман В.Я., Тарусина И.Г. Изучение политических элит в России: // Полис 2003 С.53-68

21. Мельвиль А. И вновь об условиях и предпосылках движения к демократии // Полис. – М., 1997. – № 1. – С. 125–128

22. Салмин А.М. Выборы 1995–1996 гг. и трансформация политического режима в Российской Федерации // Полис. – М., 1997. – № 1. – С. 119–122

23. Голосов Г. Поведение избирателей в России: Теоретические перспективы и результаты региональных выборов// Полис. – М., 1997. – № 4. С. 44–56;

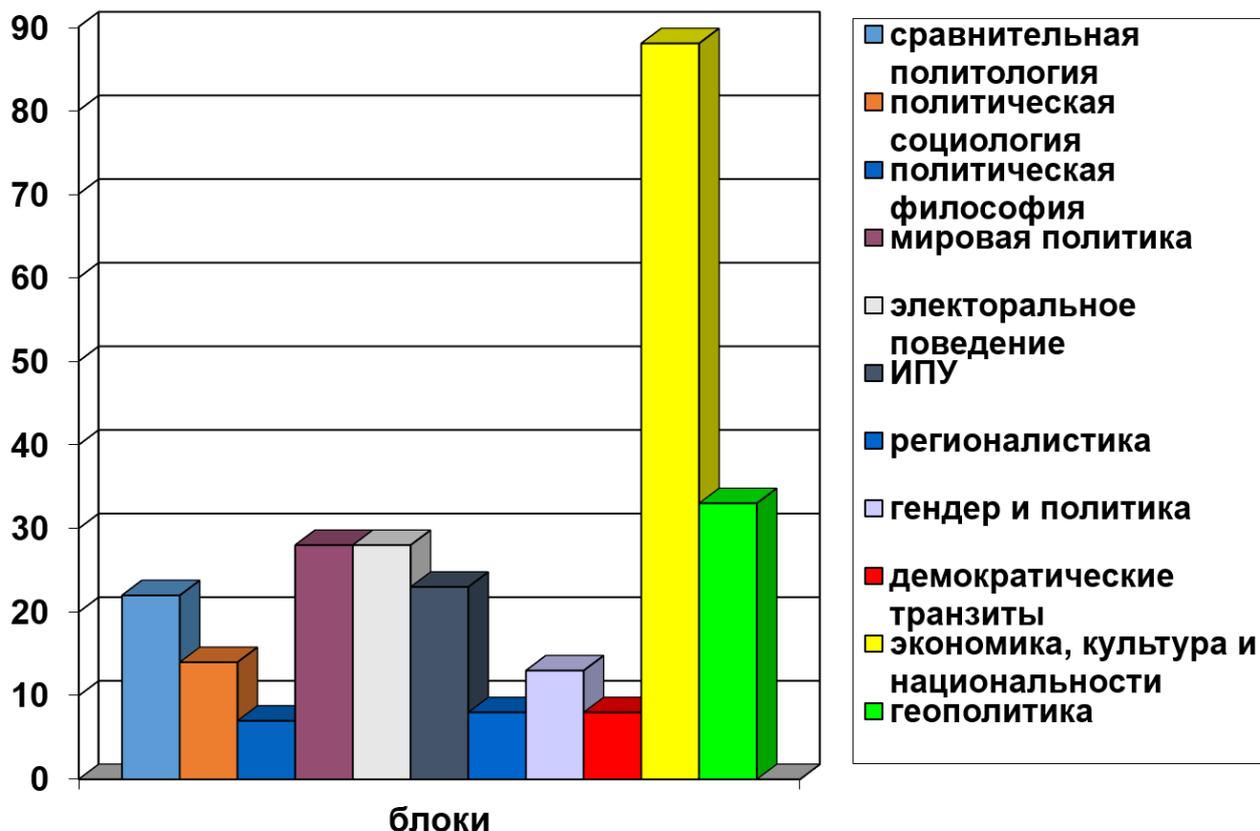
Колосов В., Туровский Р. Электоральная карта современной России: генезис, структура, эволюция// Полис. – М., 1996. – № 4. – С. 33–46

24. Ильин М.В. Десять лет академической политологии – новые масштабы научного знания // Полис. – М., 1999. – № 6. – С. 135–143

25. Пляйс Я.М. Отечественная политическая наука в диссертационном зеркале // Полис. – М., 1998. – № 2. – С. 116– 121;
26. Пляйс Я.М. Политическая наука России в 1998 г.: Что нового? // Полис. – 1999. – № 3. – С. 175–182
27. Керимов Д.А., Чиркин В.Е. Шахназаров Г.Х. Ежегодник Советской Ассоциации Политических наук, 1978 г. Политика мира и развитие политических систем:// Издательство «Наука» Москва 1979г. С.279
28. Арчи Браун Политическая наука в Советском Союзе: Новый этап развития.// жур. «Советские исследования»№3, 1984г. С.317-344
29. Андреенков В.Г., Маслова О.М. Методы сбора информации в социологических исследованиях. Книга №1, С.199
30. Дегтярев А.А. О логике исследования в политической науке // Политология и современный политический процесс / Ред. Антонович И.И. 1990г.
31. Ирхин Ю.В. Международная Ассоциация Политической Науки и Российская политология: 60 лет взаимодействия. // жур. Среднерусский вестник общественных наук» №6, 2015г. С.80-88
32. Пляйс Я.А. Состояние и проблемы становления российской политической науки // Бюллетень ВАК России №3. 1998г.
33. Галкин А.А. Академическая политология 1960-1980гг. Интервью С.В. Патрушеву 17 июля 2000г. // С.22-37
34. Политическая теория: эволюция отрасли // Вестник Московского университета. Сер.12 Социально-политические исследования №1, 1993г.
35. Журнал «Политические исследования» с 1991 по 2017 год.

Приложение №1. Географическое поле авторов статей, публикуемых статьи в политологическом журнале «Политические исследования» с 1991 по 2017 гг.

Приложение №2. 12 блоков проблемно-предметных областей, характеризующих «лицо» статей за период с 1991 по 2017 гг.

1 блок – опубликовано от 14 до 30 статей

2 блок- опубликовано от 8 до 20 статей

3 блок- опубликовано от 4 до 10 статей

4-6 блок- опубликовано от 18 до 37 статей

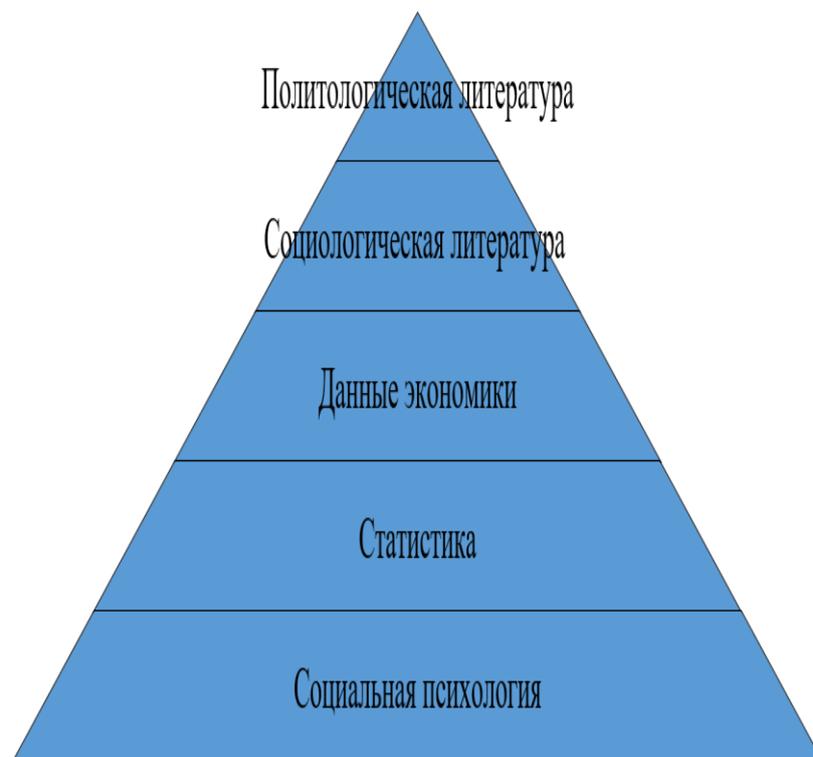
7-8 блок- опубликовано 23 статьи

9 блок-опубликовано 8 статей

10 блок- опубликовано 13 статей

11 блок- опубликовано от 5 до 11 статей

12 блок (экономика, культура, национальность, федерализм, демократия, проблемы власти и общества)- 115 статей.

Приложение №3. Анализ цитируемых источников.

Анализ ссылок в публикациях журнала свидетельствует о том, что в целом для «Политические исследования» характерно цитирование преимущественно политологической и социологической литературы. Последние годы увеличился объем обращений к данным экономики, статистики и социальной психологии.

Приложение №4. Методы сбора данных.

11,7% – анкетирование, за ними – использование заимствований из статистики (21% выборки, без значимых изменений), неформализованные интервью (12,%, значимо вырос) и опрос экспертов (10,%, незначимо вырос).

Остальные методы (дескриптивный анализ, анализ первичных и вторичных данных) наблюдались не более 1-2 раз.